

Уэлш неизменно доказывает, что литература — лучший наркотик.

Spin

Уэлш — редкой злокозности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты — хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся — спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! — такая вот ироническая беллетристика.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Проза снайперски точная, отточенная до остроты бритвенного лезвия.

List

Адреналиновая волна подхватывает читателя на первой же странице и несет, не отпуская.

Independent on Sunday

Уэлш, возможно, самый известный «контркультурный» писатель в России, и это его девятый роман. Автор мрачно-веселых книг о жизни шотландского дна, среди которых «Эйсид-хаус», «Кошмары Аиста Марабу», «Клей», впервые написал книгу, в которой действие от и до происходит в Америке, и не просто в Америке, а в вылизанно-глянцевом Майами.

Действующие лица — не привычные наркоманы и «ребята с окраин», а фитнес-инструктор Люси и художница Лина. Тридцатитрехлетняя Люси — женщина со стальной мускулатурой, безжалостная к себе и другим. Больше всего Люси любит цифры. Не математические формулы, не волшебные пелевинские 34 из романа «Числа», дающие власть над миром. Ее цифры — вес и число сброшенных калорий. Важнейшая характеристика для понимания того, кто перед тобой, умник или дурак, ангел или подонок, — соотношение его роста и веса.

Российская газета

Главной ценностью романов Ирвина Уэлша являются не лихо закрученные сюжетные линии (хотя они, несомненно, хороши), а язык самого автора и язык его персонажей. Язык уэлшевских романов сотрясает своей развязностью, но в то же время он искренен и точен. Он как бы схватывает те наши мысли, которые ушли в подполье, не желая находиться в одном помещении с нашими же обычными суждениями и умозаключениями. В этих двух пространствах существует и «Сексуальная жизнь сиамских близнецов». Уэлш будто спускает в просторный бассейн себялюбия, фальши и самообмана, в котором купается цивилизованное общество, канализационную трубу с бесконечным страхом смерти, несоответствия, животными потребностями и мыслями, которые приходят в голову, когда смотришь на свое обнаженное тело в зеркале. Этим романы Уэлша цепляют особенно, и новый «американский» его роман — не исключение.

Культура. Свежая газета

Общественная лексика, агрессия, черный юмор, стеб — все на месте, без этого Уэлш не был бы самым любимым контркультурным автором российского читателя.

Вроде бы легкая и ржачная книженция поднимает множество вопросов и проблем — от насилия в подростковой среде и вреде ожирения до однополый любви и безумного помешательства на здоровом образе жизни.

Роман про то, что зависимость от ЗОЖ может быть такой же пагубной, как и от героина. И ничуть не менее социально опасной. Распад личности, дерьмо и насилие — все присутствует. Отлично выстроенная композиционно, книга читается на одном дыхании.

Актуальные и политкорректные послы автора ничуть не раздражают, не выглядят морализаторством, напротив — не перестаешь изумляться дивному троллингу шотландца. А от некоторых поворотов сюжета даже слегка офигеваешь. Впрочем, вряд ли у Уэлша могло бы быть по-другому.

А еще это книга про преодоление и поиск себя. И она в сто тысяч раз лучше всяких разных психологических пособий.

Служба книжных новостей

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

*Илья Кормильцев
(Иностранная литература)*

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием сленга, жаргона и диалектизмов — характерный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно — по мысли поклонников — гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избегать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах Аиста Марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин, с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравоучения: Уэлш, так же как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Далем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интертекстуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются отсылки к другим книгам — я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую, как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания — все то, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захожу философии, то я обращаюсь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писатель», — он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при созда-

нии своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудиовизуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов
(Иностранная литература)

Ирвин Уэлш — ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша — один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь — неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш — лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Sunday Times

Ирвин Уэлш — неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша — все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов — печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Самое прекрасное во вдохновении — то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

(Снова) посвящаю Элизабет

Я должен сотворить систему, чтоб не стать
рабом чужих систем.

*Уильям Блейк*¹

¹ У. Блейк. Иерусалим. Эманация гиганта Альбиона. Лист 10. Перев. Д. Смирнова-Садовского.

Часть первая

ПОПЛЕХАВШИЕ

1

ЛЕПРОЗОРИЙ

Раз-два-три-четыре, выше руки, ноги шире!

Главный американский загон — это цифры. Все время надо что-то замерять: разваленную экономику — в процентах роста, потребительских расходах, индексах промпроизводства, ВВП, ВНП, Доу—Джонсах; общество — по числу убийств, изнасилований, подростковых беременностей, нищих детей, нелегальных мигрантов, наркоманов — зарегистрированных и тех, кто пока держится; людей — по росту, весу, объему бедер, талии, груди, ИМТ.

Но сейчас у меня в голове цифра, из-за которой больше всего проблем. Это цифра 2.

Поругались с Майлзом (рост 185, вес 95) из-за какой-то ерунды, но достаточно крепко, чтобы я не осталась у него ночевать. А живет этот мудака в вымершем мидтауне. Ныл, сука, весь вечер, как у него спина болит. Лишь бы ничего не делать, как маленький ребенок, блядь. Чем мокрее его глаза, тем суше у меня между ног. Просто, как дважды два. Смотрели «Теорию большого взрыва», и на последних минутах он на меня зашикал — типа тихо! Еще эта маленькая тварь Чико — чихуа-хуа с глазами навывкате: все время тьявал, а Майлз отказался запирать его в другой комнате, мол, сейчас успокоится.

Ну и хуй с тобой.

Когда я решила, что надо валить, он раскис: начались эти все позы, губы надул, как ребенок. Давай, будь мужиком, сука! Есть мужики, которые даже злость не умеют изобразить. Чико и то смелее: вдруг перестал тявкать и запрыгнул мне на колени, хотя я все время спускала его на пол.

Уже почти полчетвертого утра, но я все равно решила поехать обратно на Саут-Бич. Ночь тихая, над городом висит луна, сыпь из звезд мерцает на густом розовато-лиловом небе. Завожу осипший «кадиллак-девилль» девяносто восьмого года — от мамы достался — и сразу замечаю, что погода резко переменялась. А мне и дела нет: из колонок горланит «I Hate Myself For Loving You»¹ Джоан Джетт, но, как только я выруливаю на Джулия-Татл-Козвей², в машину начинают бить порывы ветра. Притормаживаю, по лобовому стеклу уже хлещет дождь, и мне приходится всматриваться сквозь мельтешащие перед глазами дворники.

Внезапно ливень сменяется моросью, спидометр опять подбирается к восьмидесяти, и вдруг из черной, теперь уже беззвездной тьмы возникают двое; они бегут на меня прямо посередине почти пустой автострады и машут руками. Тот, что ближе ко мне, тяжело дышит, надул щеки, как хомяк, это хорошо видно под яркими фонарями автострады, и вылупился на меня, как псих. Первая мысль — это такой юмор: какие-нибудь студенты перепилились или нарки развлекаются. Потом я резко охуеваю: блядь, это же хитрая подстава — и думаю: Люси, не тормози, пусть эти уроды отойдут с дороги, но они не отходят, и я все-таки резко торможу: машину трясет и заносит. Я держусь за руль; ощущение

¹ «Сама себя ненавижу за то, что люблю тебя» (англ.).

² Julia Tuttle Causeway — 7-километровая дамба через залив Бискейн и проложенная по ней автострада с двумя мостами, соединяющая Майами-Бич и собственно Майами. Названа в честь основательницы Майами Джулии Татл (1849–1898). — *Здесь и далее примеч. перев.*

ние, что какой-то великан пытается вырвать у меня из рук руль, потом тупой удар, какое-то шуршание, и я вижу, как один из парней падает мне на капот. Машина застывает на месте, откинув меня на спинку сиденья, мотор глохнет, и проигрыватель вырубается как раз на припеве. Я смотрю по сторонам, пытаюсь понять, что происходит. В соседнем ряду кто-то не успел так быстро среагировать: второй чувак отлетает от капота вверх, делает какое-то безумное сальто и падает на асфальт. Машина рвет вперед в темноту, даже не пытаюсь притормозить.

Слава пресвятому сладенькому Младенцу Иисусу, что за нами никого не было.

Угонщикам на такие кульбиты пороху бы не хватило, да эти и напуганы слишком сильно... Каким-то чудесным образом чувак, которого сбила вторая машина, — маленький коренастый латинос — нетвердо встает. Он прям сочится ужасом и даже не смотрит на второго придурка, которого уебала я, а пялится через плечо куда-то в сумрак и пиздюкает дальше. Теперь я вижу в зеркале «своего»: белый доходяга — тоже уже на ногах, светлые жидкие волосы зачесаны назад — быстро ковыляет, словно какой-то покоцанный паук, в кусты на разделительной полосе. Тут латинос разворачивается и, прихрамывая, чешет прямо на меня. Он стучит в стекло и кричит:

— ПОМОГИ!

Я не шевелюсь. Пахнет горелой резиной и тормозными колодками. Что делать-то, блядь? Из темноты возникает третий и быстро идет по шоссе в нашу сторону. Латинос воет от боли — шок, наверное, прошел — и, кажется, оседает на корточки, прислонившись к заднему боковому стеклу.

Я открываю дверцу и выхожу: ноги дрожат на твердом бетоне, в желудке тянет от пустоты. В этот момент раздастся хлопок и что-то со свистом пролетает мимо моего левого уха. С какой-то странной отстраненностью осознаю,

что это был выстрел: третий чувак, возникнув из темноты, указывает в сторону машины, сжимая в руке какую-то херь, скорее всего пистолет. Он почти поравнялся со мной. Я вся холодею, потому что у него в руке действительно пушка. Чувствую, как у меня округляются глаза, и инстинктивно молю о пощаде; вот так и приходит конец, думаю я, но чувак проходит мимо, будто я невидимка, хотя проходит он буквально на расстоянии вытянутой руки: я вижу в профиль его маленький остекленевший глаз безумной ищейки и даже чувствую запах несвежего тела. Но он четко идет к своей выпавшей на корты цели.

— НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА!.. НЕ НАДО... — молит латинос. Он привалился к машине, закрыл глаза, склонил голову и выставил над собой ладонь.

Стрелок медленно опускает руку и направляет пистолет на жертву. Повинуясь какому-то инстинкту, я подпрыгиваю и бью обеими ногами ему промеж лопаток. Он, худой и потрепанный, валится вперед на человека, в которого только что целился, и падает на асфальт, роняя пистолет. Латинос, совершенно растерянный, пытается дотянуться до пистолета, но я его опережаю и запинываю пистолет под машину. Несостоявшаяся жертва секунду смотрит на меня с открытым ртом, потом встает и, прихрамывая, отходит. Я бросаюсь на стрелка, наваливаюсь на него всем телом, больно обдираю голые колени об нагретый асфальт пустынного шоссе и обеими руками хватаю его за тонкую цыплячью шею. Роста он невысокого (белый, примерно 165 см, 55 кг), но и сопротивляться не пытается, а я ору:

— ТЫ ЧЕ, БЛЯДЬ, ВЫТВОРЯЕШЬ, ПРИДУРОК?

В ответ прерывистые детские всхлипы и между ними жалостливое:

— Ты этого не поймешь, никто не понимает...

На дороге появляется еще одна машина, но быстро пролетает мимо. Теперь я прямо чувствую, как до меня дохо-

дит осознание очередного пиздеца. Я поднимаю взгляд и вижу латиноса, идущего к кустам на разделительной полосе вслед за своим белым друганом. Меня охватывают разные мысли; хорошо, что хоть кеды надела, а то ведь хотела пойти в гладиаторах на шпильке, чтобы сочетались с короткой джинсовой юбкой и рубашкой и чтобы Майлз думал хуем, а не больной спиной. Теперь юбка задралась, и хорошо, думаю, что хоть про трусы я не забыла.

Вдруг прямо мне в ухо кто-то пронзительно орет:

— Я все видела, вы герой! Я сняла все на телефон! Я вызвала полицию! Я все сняла на телефон! Доказательства будут!

Я поднимаю голову и вижу маленькую толстую девку, глаза у нее почти полностью скрыты длинной черной челкой, рост 157, может, 160, вес 100. Возраст, как у всех людей с избыточным весом, определить сложновато, но, наверно, где-то к тридцати.

— Я вызвала полицию, — повторяет она и машет мобильником. — В телефоне все есть! Я вон там стояла.

Она показывает рукой, и я вытягиваю шею в направлении ее машины, которую видно под фонарями: она стоит на обочине, практически въехав задом в кусты и деревья, высаженные между дорогой и заливом. Девка смотрит на распростертого человека подо мной и на мои бедра, которыми я приперла его к асфальту: чувака трясет от рыданий.

— Он что, плачет? Вы что, плачете, мистер?

— Он у меня еще поплачет! — рычу я; приближается сирена, и вскоре около нас резко тормозит полицейская машина, залив нас синим светом мигалки.

Я вдруг чувствую, что от чувака, на котором я сижу, страшно воняет мочой. Горячий воздух наполняется смрадом.

— Фу! — загудела толстуха, зажав нос. Так воняет от старых алкашей после нескольких дней запоя.

Но даже когда теплая влага, разливаясь по асфальту, затекает мне под ободранные колени, я продолжаю прижимать мудака к дороге; он скулит. Свет фонаря бьет в лицо, властный голос велит медленно подняться. Я щурюсь и вижу, как толстуху отводит один из копов. Я пытаюсь встать, но меня как будто заклинило. Тут я наконец осознаю всю картину: я в короткой юбке оседлала развалившееся на асфальте обоссанное чмо, вокруг копы, мимо проносятся машины. Кто-то грубым рывком ставит меня на ноги, хляк продолжает сдавленно рыдать. Невысокая мужеподобная латиночка в форме нагибается, хватает меня руками в перчатках за подмышки и резко тянет вверх:

— Отойдите в сторону!

Я не могу удержать равновесие ни руками, ни ногами, ни телом и, пытаясь подняться, наступаю на чувака. Блядь, неудобно-то как. У меня в полиции Майами есть подруга — Грейс Карильо, я бы, может, и козырнула связями, но не хочу, чтобы она или еще кто-то из знакомых застал меня *в таком виде*. Моя узкая короткая джинсовая юбка задралась и скаталась в толстый жгут, а все из-за того, что я ударила этого козла ногами и села на него верхом. Если просто встать, джинсовая юбка не расправится, а гребаные копы так меня держат, что сама я ее расправить не могу.

— Дайте юбку расправить! — кричу я.

— Отойдите в сторону! — снова орет сука в форме.

Труссы видно спереди и сзади, и я замечаю застывшие восковые рожи копов, которые пялятся на меня в свете фар, пока я схожу с обоссанного. Мне хочется разорвать эту тетку на куски, но я быстро вспоминаю совет Грейс не связываться с майамскими копами, хотя бы потому, что их учат видеть в каждом человеке носителя огнестрела. Двое других копов — оба мужики, черный и белый, — надевают на всхлипывающего стрелка наручники, рывком ставят его на ноги, и я наконец расправляю юбку. У него мертвенно-

бледное лицо, влажные глаза смотрят в асфальт. Совсем еще ребенок, максимум года двадцать два — двадцать три. Что у него в голове?

— Эта женщина — герой! — верещит оголтелая толстуха, давая показания. — Это она его разоружила. — Она показывает на закованного в наручники пацана, который из хладнокровного убийцы вдруг превратился в жалкое чмо с большим мокрым пятном на штанах; я чувствую мерзкую влагу на своих ободранных коленях. — Он стрелял в тех двух мужчин. — Она показывает на мост.

Там стоят двое покалеченных беглецов и наблюдают за происходящим. Латинос пытается сделать вид, что не при делах, белый закрывает глаза рукой от яркого света фонарей. Еще двое копов идут к ним. Толстая, задыхаясь, все заливает полицейской латиноске.

— Она отобрала у него пистолет и запнула под машину, — показывает она своим пухлым пальцем. Одной рукой она убирает потную челку с глаз, другой машет телефоном. — Здесь все записано!

— Что вы делали там, когда остановились? — спрашивает ее черный коп, а я замечаю, как еще один в недоумении смотрит то на мой «кадиллак», то на меня.

— Меня укачало, — говорит толстуха, — надо было остановиться. Съела что-то, наверное. Но я все видела, — и показывает копам видео на телефоне. — Другая машина сбила одного из тех мужчин, но даже не остановилась!

Хотя я чувствую, как у меня колотится сердце — даже больше, чем после кардиотренировки, — мысли заняты почему-то тем, что цвет кожи у девушки почти сливается под красной полицейской мигалкой с ее огромной адской розовой майкой, надетой поверх мешковатых джинсов.

— Да, он просто начал по нам стрелять. — Белый чувак с раздробленной ногой качнулся вперед, его удержал стоящий рядом коп, помятое лицо перекосило от боли: он

СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СИАМСКИХ БЛИЗНЕЦОВ

показывает рукой на стрелка-мудака, которого запихивают на заднее сиденье патрульной машины. — Эта женщина спасла мне жизнь!

Руки дрожат. Не надо было уходить от Майлза, черт. Поебались бы тихонечко с обездвиженным большой спиной упырем, все лучше, чем расхлебывать теперь это дерьмо. И вот меня сажают в другую полицейскую машину, коп говорит что-то успокаивающее с таким сильным испанским акцентом, что едва можно разобрать. Я понимаю только, что они забирают мой «кадиллак», и слышу, как сама что-то мямлю про ключи, которые, наверно, остались в замке зажигания, и что моя подруга Грейс Карильо служит в МДПД и работает в Хайалии¹. Машина трогается с места, толстуха на переднем сиденье крутит своей жирной шеей туда-сюда и с простецким среднезападным акцентом говорит нам с мужеподобной полицейской теткой:

— Никагда не видела таких смелых людей!

Я не чувствую в себе никакой смелости, вся дрожу и думаю: зачем, блядь, было открывать дверцу и выходить из машины? И тут я отрубаясь на несколько мгновений. Очнувшись, вижу, что мы уже въезжаем в гараж около отделения полиции Майами-Бич на углу Вашингтон и 11-й. Съёмочная группа срочных теленовостей уже здесь. Они расступаются, чтобы пропустить нас через шлагбаум.

— Эти козлы с каждым разом все шустрее, — говорит мужеподобная лесбополицейская, но беззлобно, как наблюдатель.

Я как по команде поворачиваю голову к окну и вижу объектив камеры, направленный мне в лицо. Толстуха в розовом смотрит остекленевшим взглядом то на меня, то на репортера и орет, будто «держи вора»:

— Это она! Это она! Она герой!

¹ Hialeah — муниципалитет в составе Большого Майами, большинство населения — выходцы с Кубы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОНАЕХАВШИЕ

По своему отражению в камере я понимаю, что выгляжу нехило припизднутой, и думаю, что надо бы взять себя в руки, поэтому, когда розовая пампушка в очередной раз говорит голосом феечки: «Да вы просто настоящий герой», я чувствую на своем лице легкую улыбку и думаю про себя: да, я, похоже, герой.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Понаехавшие

1. Лепрозорий	15
2. Утренние страницы Лины 1	24
3. Герой	27
4. Контакты 1	51
5. Спасательные круги	55
6. Контакты 2	77
7. Злодейка	79
8. Контакты 3	95
9. Cute overload.com	96
10. Контакты 4	131
11. Демон	133
12. Будущий человек. Введение	147
13. Контакты 5	152
14. Луммус-парк	154
15. Контакты 6	176
16. «Арт-дефиле»	177
17. Контакты 7	186
18. Утренние страницы Лины 2	187
19. Клеймо на жопе	194

20. Будущий человек: процесс	205
21. Контакты 8	207
22. Всё под контролем	209
23. «Будущий человек»: Искусство критическое или коммерческое? Мнения о творчестве Лины Соренсон	219
24. Контакты 9	221
25. «Хит»	222
26. Контакты 10	238
27. Утренние страницы Лины 3	240
28. Контакты 11	267

Часть вторая. Заложники

Месяц спустя

29. Контакты 12	271
30. Человек, укушенный барракудой	275
31. Решение в тот же день	283
32. Контакты 13	296
33. Апартамент	298
34. Контакты 14	306
35. Институт искусств	308
36. Собаки	315
37. Контакты 15	329
38. Пакет	331
39. Контакты 16	336
40. Лина из Вест-Лула	339
41. Стокгольмский синдром	356
42. Мэтт Флинн	366
43. Комиссия по установлению истины и примирению	370
44. Контакты 17	387
45. Флорида или Нью-Йорк	390

СОДЕРЖАНИЕ

46. Пустые наручники	400
47. Контакты 18	409
48. Не мытьем, так катаньем	411
49. Ешь или будешь съеден	414

Часть третья. Переехавшие

Год и десять месяцев спустя

50. Сон, который хочется рассказать (тем, кому по-настоящему интересно)	421
51. День благодарения	425
52. Контакты 19	434
53. Рейд	436
Благодарности	443